

1-й ГОД ИЗДАНИЯ.

(8-7 (05) (47714x) „1926“).

Цена 20 коп.

К6

П56342

ГАВРИЛО

№1

Издание газеты „Пролетарий“ — орган ВУСПС.

Адрес редакции: Пушкинская, 31.

1926 г.

56342

Центральная
учетная

Б. Придак

ГАВРИЛО—НЕТУДЫКИНУ: — Итак, дорогой племянничек, если не устал с дороги, приступим к выполнению производственного плана.

В МИРЕ ПРЕСТУПНИКОВ.

В Венгрии полиция возбудила судебное преследование против Либкнехта, умершего 25 лет назад—за его брошюру. В Польше некий провинциальный правитель предписал арестовать писателя Джона Лондона за „анархическую повесть“.

Говорят, в стране венгерской
Провинился Цицерон;
Пропагандой очень дерзкой
Он властям нанес урон...
Напоил он ядом фразу,
Чтоб основы погубить,—
И за это, по приказу,
Арестован должен быть...
Слух идет, что за решетку
Был шпиками жулик взят!..
А на днях читал я сводку:
Многим аресты грозят!..
Власть раскинет сеть пошире,
Энергичней и быстрее,—
И тогда в преступном мире
Схватят кучу главарей...
Уж иные—на примете
(Снимок с пальца сделан
встарь!):
— Скупщик краденного, Гете,

Шиллер, опытный „ско-
нар“...
Старый Кант (держал
„малину“),
„Маровихер“ Сервантес...
Шпик недаром сеть рас-
кинул—
Крупный зверь туда залез!..
Им давать нельзя поблажку:
Если скроются—беда!
Посадить их в каталажку
До законного суда...
А тогда—навер упрочен
Мирный строй... без бурь и
гроз...

Если люди глупы очень,—
То надолго и всерьез...
дикий.

ЗА БАЛАНСОМ 1926 го

Чорт знает, что этот старый затверделый бухгалтерный Новый год, раскрыва-
злотым тиснением вытопы было: Европа—
— Пассажа страшная. Вот, напону
запустил 3... 2... 1...
Новый год не слыхал. Он нервно теребил волосы.

— А как вы думаете, мой друг, если мы Локарно пере-
насем в графу „правовые ценности“?

— Как вам сказать, ваше Новогодие... Какие же это
„правовые“, да еще „ценности“. Скорее в графу „готовые
изделия“. Так с маркой Чемберлена и оставим. Все таки для
актива—как то солиднее. „Готовые изделия“—это звучит!
Можно еще приписать в эту же графу—„казнь Го-Сун-Лина“.
Все таки прибыль для капиталистического...

— Нет, какие же это „готовые изделия“,—это импортный
товар.—„Сделано в Японии“.

Новый год углубился в просмотр книг:

— Неряшливо велась бухгалтерия в прошлом году. Вот
тут цифра 283... Не знаете, что это такое?..

— Может, число убитых в Болгарии?..

— За год? Чудак вы, право!

— Да нет, за последний день! В спешке забыли записать,
вот она и висит!

— Я понимаю, что висит. По всей стране висит—это
надо в „расход“ выписать. Но не ясно, чорт бы их побрал!

— Может быть, это „наличные средства“?

— Ну вот, скажете тоже. Если 283 миллиона,—так у какого
же государства теперь есть такие средства?

— А, может быть, франки, ваше Новогодие! Похоже, что
это кассовая ведомость французского министерства финансов.
283 франка остатка на 26 год!..

— Погодите, погодите, нашел!—вскричал Новый год.—Вот
тут есть. Это число хозяйственных кризисов за первую поло-
вину декабря в Германии. Вот видите, записано на этой странице!..

— Так, так, нужно их перенести в счет „прибылей Локарно“.
Позвольте, а где у них тут основной капитал? Чорт их знает,
все перепутали. Почему тут, в основном капитале капиталисти-
ческой Европы, значится цифра—„245 миллионов“? А чего мил-
лионов—не сказано.

— Может, милрейсов, ваше Новогодие? Португальская
такая манета—10000 милрейсов на один франк идет. Сойдется?

— Да нет—это, кажется, в основной капитал они 245
миллионов фашистов поставили.

— Перебордили, ваше Новогодие.

— Ну это уже не наше дело!.. Не пригласивши, ви один
баланс не составляется.—А что там у них еще в основном
капитале?..

— Тут еще II Интернационал значится.

— Перенесите его в оборотный. С ним всякие обороты
можно делать. Как дышло: куда повернешь, туда и вышло!

— В обарматный, ваше Новогодие, скорее?

— Хорошо, пишите в обарматный капитал. Это немножко
не по бухгалтерски будет...

— Зато „по социалистически“! Тут у н
двойная германская бухгалтерия. На левой ст
роне одно пишется, а на „правой“ другое читае
Внесет в резервный капитал „штрейбрехеров едино
фронта профсоюз“.

— Это уже внесено! А вот как с „имун
ством“ быть? Я полагаю, что в этом году придет
списать оттуда Сирию, Марроко, Моссул!

— Это мы в графу „потери“ выпишем. Пу-
ная бухгалтерия. Как тут баланс подводить, ког
каждый день, каждый день новые неприятности.

— Тут вот „счет разных лиц“. Европа—Ам
рике! СССР—Европе... Так и оставить?

— Гм... Я полагал бы счет: „СССР—Евр
пе“—оставить, а вот счет—„Европа—Америка“, м
жет быть, скостим...

— Они скостят. Как же, держи карман! Т
вот производственные расходы вписаны: Польш
Румыния, Чехо-Словакия... Может, их в „органи
зационные“ списать?

— Нет, знаете, Чехо-Словакию придется с
сем оттуда выписать! Кажется, в пассив ее пере
сем. Может, еще признает СССР. Зачем на
производственные расходы нести. В пассив!..

— Тут в пассиве уже такая графа, в
СССР, есть! Некуда ставить...

Европейский Новый год с досадой захо
нул книги.

— Изволь тут составлять бюджет если
знаешь, „что день грядущий нам готовит“...

Так и закончили 1925-й год

Д. Маллори.

СЕКРЕТАРЬ ЛАНДЫШЕВ.

— Чем же ты недоволен, чудак?—откинувся
спинку стула красный директор Пуговкин и со с
кой англичану на сидевшего перед ним секретаря за
кома Ландышева.

Последний только мрачно всмат и молча ковыр
лапцем орнамент бронзовой чернильницы.

— Ты, скажу прямо, удивительный человек,
продолжал директор.—Я работаю с тобой в тесн
контакте, удовлетворяю все претензии завкома;
удивительно, конечно, что за последние полгода у н
даже не собиралась КРК, потому что ей, голубушн
и делать то у нас нечего.

— Вот, вот,—оживился секретарь.—„Не собир
лась“. Я об этом то и говорю. У людей КРК чуть
каждый день, а у нас...

— Да зачем же она нам,—засмеялся директор,
если мы с тобой вдвоем и так все конфликты улаж
ваем?

— В том то и дело, что вдвоем,—буркнул секр
тарь.—Я тебе только зайкнуся, а у тебя уж и резо
ция готова. У людей и КРК и споры разные; до тру
сессии, бывает, доходят, а тут...

НЕТУДЫКИН:—Прочь с дороги! Я бегу на 5-ю стра
ницу, где изображено мое возвращение с луны.

— Да ведь ты, чудачина, приходишь ко мне с законными требованиями, как же я могу тебе отказать? — изумился директор.

— И к другим с законными приходят, — ехидно прищурился секретарь, — а промежду прочим, и КРК трудсееся...

— Да ты что, судиться со мной хочешь или как? — еще более удивился директор.

— Как тебе угодно, — буркнул секретарь, — а работать так дальше я не могу — скучно! Тоска! Да и какой же я к чертям собачьим защитник рабочих и служащих, если и без меня все как по маслу? Недавно и в союзе смеются: добро, говорят, этому Ландышеву, не учреждение у него, а дом отдыха; тишь да блажь... Прямо, неловко.

Помолчав с минуту, Ландышев вытащил из кармана бумажку и, протягивая ее директору, тихо приговорил:

— Хоть раз откажи. Будь другом. Чтоб КРК, иначе.

Директор пожал плечами, вздохнул и, взяв ручку, написал: „В выплате сверхурочных отказать“.

Схватив бумажку, Ландышев выскочил из кабинета.

— Ну как, подписал, конечно? — обступили его кругом.

— Какое там: отказал! — радостно сообщил Ландышев. — Я уж и так его и этак — ни черта! Впрочем, товарищи, не волнуйтесь: завтра же я созываю КРК и мы, как следует, подтянем зазнавшуюся администрацию. А ежели хоть пикнет — до Трудсеесяй дойду, мне не долго. Не на таковского напали, хе-хе...

И оживленный и радостный он побежал в союз.
Сергей Чмелев.

„ШНИЦЕЛЬ АЛЕКСАНДРА III“.

(Невероятно, но факт).

Недавно ЦК Нарпита решило отменить все иностранные названия кушаний.
(Из газет).

И как кто отклывается на это.
(Прим. редакции).

I.

— Алло, Скорая помощь? Очень просим — приезжайте в ресторан „Английский уголок“. Да, да, человек отравился, промывание надо сделать! Что, судороги? Обязательно есть судороги, как же без судорог, ежели такое сильное отравление? Рвота? Тогда на все сто процентов. Выезжаете, алло!

Когда в ресторан прибыла Скорая помощь, — врач бросился к больному, попробовал пульс, осмотрел язык:

— Да, сильное отравление... Что он ел? Должно быть несвежее, чтонибудь у вас в ресторане?

Члены союза Нарпит люди энергичные и решительные. Они уверяли, что продукты в их ресторане свежие и что посетитель ел с аппетитом.

Сделали промывание желудка. Больной открыл глаза и тихо прешентал:

— Карточка. Меню... Умираю!.

II.

Бросились к меню и вот что там прочли:

— „Котлеты царские.“

— „Филе де воляй „300-летие дома Романовых“.

— Битки а ла Скобелев.

— Шницель по министерски.

— Шницель Александра III.

— Судак князя Сан-Донато“.

Доктор Скорой помощи строго сказал:

— Ну, теперь понятно! Зашел человек рабочий в ресторан поесть. Вы ему карточку показывали?

— Показывали, — сказал служащий, — однако он вернул. — Ничего, говорит, не понимаю, китайская, говорит, грамота в этой карточке. На каком, говорит, это языке написано? Что, говорит, это означает: „Филе броше“, или „Филе миньон“? Может это, говорит, из оперы Миньон? Или, говорит, взять „Турнедо соус пикан“, а оно вовсе бульон выходит? Или, что это у вас такое в советской стране, в нарпитовской столовой, и вдруг: „Рависли а ла Милюков“. Может в нем какая контра есть? Не хочу, говорит, по карточке выбирать, — а неси, говорит, мне, что есть повкуснее!

— Понимаю, — сказал доктор, — так вы ему и подали...

„Рви, Тишка!“

Пользуясь недостатком на рынке оконного стекла, стекольщики бешено вздули цены.
(Из газет).

Рис. С. Зальцера.

— Ты откуда это идешь?

А вот — одна барыня форточку в 15 каратов бемского поставил, ну и деньга у ей, видать, дурная...

— Я подал ему — филей де воляй „300-летие дома Романовых“. Так у нас в карточке и написано. Потом еще битки „а ла Скобелев“, потом еще порцию шницеля Александра III... Тут они упали и стало рвать их, извините за выражение, точно из водопровода, который без водомера!.

III.

— Да как же вы смее, — сказал доктор, — на 8-м году революции в преис-куронт кушаний такие названия ставить, как „Филе 300-летие дома Романовых“ или „Шницель Александра III“? Хорошо еще, ежели человек в карточку не посмотрит и проглотит, а ежели рабочему человеку сказать, что он такой „шницель по министерски“ кушал, каково ему будет? Лучше ему лягушку слопать!.

— Может у них преис-куронт старый, еще довоенного времени, а?..

Тут члены союза Нарпит обиделись, и весьма справедливо.

— Как это так преис куронт старый? Как это „довоенного времени“? Совсем даже напротив.

И притащили карточку меню. Там напечатаны все эти идиотские названия блюд, все эти „филе в честь 300-летия дома Романовых“, все эти царские котлеты и внизу отметочка, жирным шрифтом:

— 2-я гостипография им. Ленина, Одесса, Пушкинская 18. Заказ № 4730—1000 экземпляров.

И самое главное, самое эффектное:

Одесский Окрит № 8894.

Врач Скорой помощи — пожал плечами и уехал с каретой.

Рабочий, конечно, выздоровеет, но все же как то неловко на 8 году революции кушать „филе 300-летия дома Романовых“!

Стошнить может!

А так все хорошо!.

Незнакомец.

КРАСКИ И ГАЗ.

В красочном цехе завода „Красное Знамя“ (Рубежная) нет вентиляции, воздух насыщен отравленным паром. За отсутствием столовой рабочие тут же принимают пищу. Часто обед бывает приправлен газом. Охрана труда не находит нужным туда заглянуть.

„К-А.“

Не надо красок, слов и фраз,
Чтоб описать сей цех, как в сказке:
Ведь в цехе красочном, где газ,
И так уж сгущены все краски.
Но все-ж душа у нас кипит,
И вот, что нам диктует разум:
— Не то труда охрана спит,
Не то она всегда „под газом“.

ВОЛКИ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ.

Завшколой хут. Никишина (Чистяковский район), Авечкин, берет за учебники, предназначенные к бесплатной роздаче ученикам, 5 к., головку капусты или кувшин молока.

Воспитатель в детдоме им. Ворожского (Селидовск. р-он) Кичкин, в виде наказания раздевает ребенка голым и выгоняет в холод на улицу.

„Д. Т.“

Авечкин, Кичкин, — нет, да
Таким, де-факто, де-юре
Любой Авечкин — это овца.
А просто в овечьей шкуре
Под этой шкурой, да
Не мало желчи в ней и яда.
Таких Авечкиных — метлой!
Чтоб не испортили все стадо.

КАЙЛО.

ОКЛЕВЕТАННЫЕ.

В красном уголке на ст. Кичкасе (Екат. ж. д.) культработы не проводится никем. Лишь надсмотрщик телеграфа гр-ка Ценова оживляет уголок: собирает молодежь обоего пола, и тут же объясняется в любви и занимаются сплетнями.

(„Кр. З.“)

Рис. Самула.

— Поглядите, Семен Карпович: анатомию проходим, смычку осуществляем, втягиваем работницу в общественность, а говорят, что у нас культработы нет. Очень обидно!

— Скорее, Макар Петрович, в Резинотрест, прибыла партия галош и стоит очередь в три квартала.

— Не беспокойся, там только трое посторонних...

„Борьбист“.

Не успело еще пробыть и 12-ти, как „сам“ уже сидел за столом (он был заядлым „эльвистом“ и, не покладая рук, боролся с разгильдяйством) и, откинувшись на спинку стула, пристально смотрел на чернильницу.

Секретарь, сразу же смекнувший в чем дело, погрозил кулаком регистратору—веди, мол, себя по существенней!—а посетителей отрезал:

— Нельзя-с; видите, занят. Проекты и вообще...

И он был прав: в голове у „самого“ был проект—пойти домой и завалиться спать. А спать хотелось до чортиков.

Только вчера у него кончился „трехдневник“ борьбы с самогоном, а потому в голове шумело и стреляло как из „царь-пушки“, а веки сами собой закрывались.

— Бумажечка-с...—робко кашлянул секретарь,—получена из РИК'а.

Осовелыми глазами „сам“ пробежал отношение и, скомкав—бросил под стол: он всеми силами боролся с бумажной волокитой.

— Чорт с ней!...—икнул он,—под сукно...

— Гражданин, товарищ! м...—раздалось вдруг возле самого стола.—Мне бы на счет справочки...

„Сам“ с трудом поднял голову, открыл рот и начал... борьбу с матерщиной.

В настоящее время „наш борец“ вступил в единоборство с прокурором.

Выдержит ли?

Эс-Че.

СПИЧКА В НОС

Лицом от анкеты.

Составители анкет из здравотдела Екат. ж. д. могут похвастаться... своей идеологией. Как сообщает екатеринославская „Звезда“, в анкете здравотдела красуется такой вопрос: „Вероисповедание?“.

Этак можно было бы пойти в анкетных вопросах еще дальше. Например, „Сколько раз в году бываете в церкви?“. „Сторонник какой: живой или мертвой?“. Чего стесняться в своем отечестве?

Ну, как таким составителям не вставить горящую спичку в нос?

Страхкасса в роли ЗАГС'а.

В той же газете читаем:

В лекции № 464113, выданной Екат. окрстрахкассой на имя работницы Гравенко Анастасия, в графе: „Члены семьи, находящиеся на иждивении работника—цы“— сказано: „жена Надежда, 20 лет“.

Прочла, наверно, Гравенко Анастасия эту грустную строчку и прошептала:

„Без меня меня женили. Думала я, что в страхкассу попала, оказывается— в ЗАГС“.

Товарищи екатеринославцы! Ежели вам жениться надо, не ходите в ЗАГС. В страхкассу идите. Она, если надо, и разведет. Уж такая у нее специальность: разводить... чернила и писать чепухи.

Сезонное.

В Запорожьи раздевательный сезон в разгаре. Ежедневно кого нибудь раздевают. До того дошло, что

Часть кандидатов в делегаты цеха зав. „Коммувар“ отказалась на выборы пойти, а некоторые работники и рабочие не выходят на работу в ночную смену, боясь возвращаться домой в 12 час. ночи...

Все-же нельзя запорожским бандитам отказать в некоторой предупредительности.

„На Соборной улице есть где-то надпись: до 6-ти часов пальто ваше, а после 6-ти—наше“.

Последнее звучит несколько анекдотически, но все-же...

И куда только милиция смотрит?

О хлебе насущном.

Да простят нас читатели. Самим надоело писать о хлебе с премией. Да что поделаешь: „кажинный раз на эфтом самом месте“.

Пишет рабочий Октябрьского рудника (Криво-рожье):

Возьмешь хлеб в Церабкоопе, разрежешь, а там веревочки, волос и солома.

В Луганске пошли дальше:

Гражданка Камброда купила в Ларьке ЕРМК № 15 булку. В этой булке оказалось стекло.

И, наконец, в Запорожьи:

На днях в столовой Укрнарпита № 1 давали хлеб с примесью песка. Хлеб получается из пекарни Церабкоопна.

Вобщем напрасно, граждане, обижаетесь. Обождат ли бы. Может, в дальнейшем в хлебе найдется строительный лес, железные балки, кирпичи. При наличии хозяйственной жилки, да при нынешнем жилищном кризисе можно небольшой домик построить для себя и домочадцев. Волосом и соломой можно тюфячки набить, а что касается веревочки, то „и веревочка в хозяйстве пригодится“.

Не ропщите, хуже бывает.

ДЕЛА-ТАБАК.

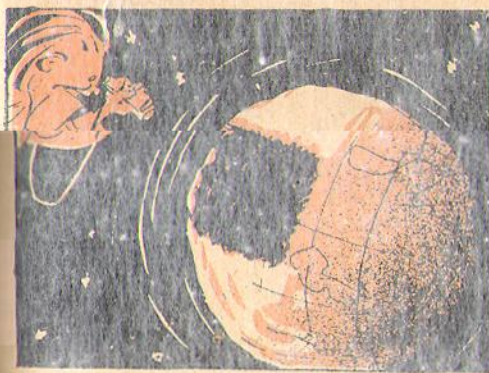
В Польше табачные изделия совершенно исчезли с рынка, в связи с повышением цен на них. Они продаются из под полы по спекулятивным ценам.

Раз падают торговли акции, Поляки впали в транс невольный: В разгул бешеной реакции „Табак“ и тот у них под-польный.

МИША НЕТУДЫКИН УПАЛ С ЛУНЫ.

Рис. Самуа.

Текст Гуза.

Вот Миша у луны. Картина! Но что за тьма в вечерний час? Должно быть, долнула турбина — Как в Харькове — и свет погас

Пред Мишай — хвост в потоках света. И мыслит он, душою прот: „И тут хвосты?! Куда бы это?“ Ну, как не стать (привычка) в хвост?

Неверный шаг — и бедный Миша, Чья в этот миг душа черна, Кометы вой злоеший слыша, Летит во мглу... Прощай, луна!

Но тут помог неожиданный случай. Успев свой страх преодолеть, Бедняга сел на „хвост летучий“, Решив: „лететь, так уж лететь!“

Слегка прислушиваясь к вою, Он мчится вдаль. Спирает дух... Земля! Земля! — И головою С разгона прямо в Лопань — бух!

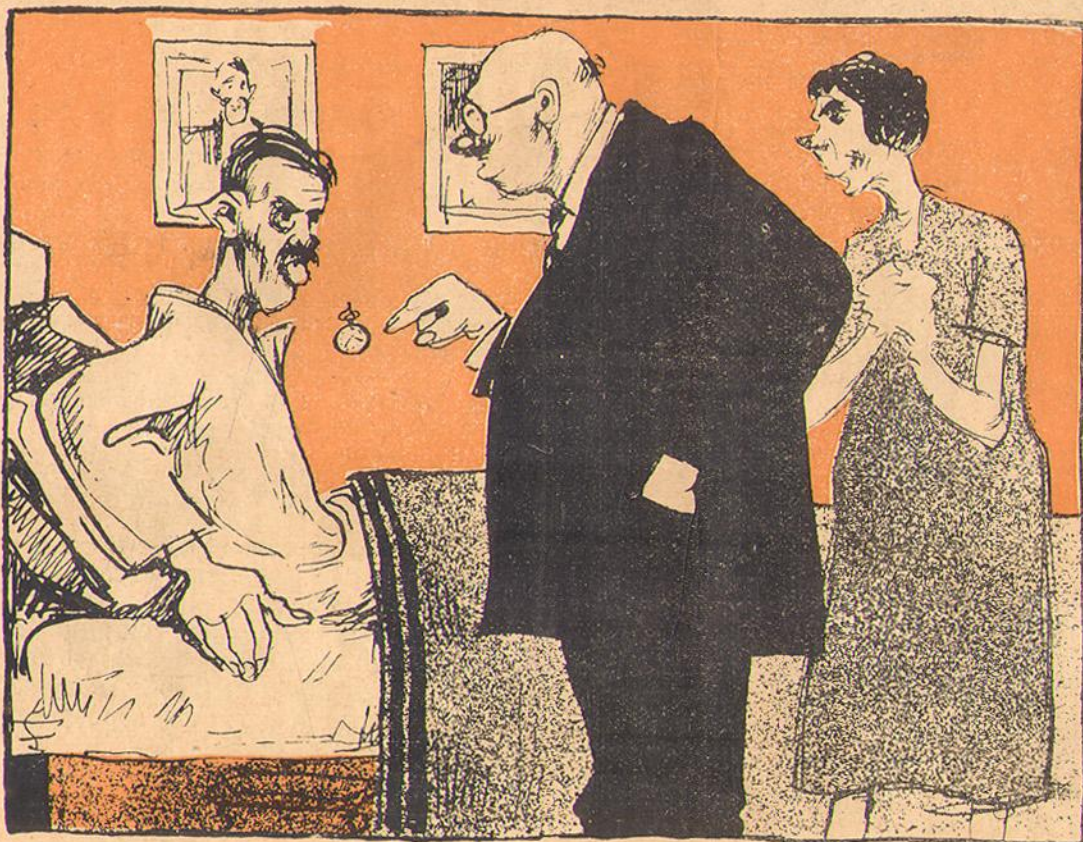
Остался Миша жив, конечно. Спасли, узнавши... по штанам. Пришел, раскланялся беспечно: — „Мол, наше вам, а ваше нам!“

(Со следующего №-ра Нетудыкин приступает к очередной работе).

Верные признаки.

Рис. Я. Б.

В Запорожьи бывают случаи, когда врачи рабмеда приходят на дом к больным без термометров и трубок и определяют все признаки болезни на глаз. (Из газет).

БОЛЬНОЙ: — У меня, доктор, нарыв на ноге!

ДОКТОР: — Так-так; по языку видать, что ничего опасного нет...

Темное дело.

Рабочий уже привык со всеми вопросами идти в завком. В завком приходят по самым, что называется, своим делам.

(„Пролетарий“)

В насквозь прокуренном помещении завкома разбирается очередное семейное дело слесари Кузькина.

Вихрастый секретарь завкома ожесточенно затягивается „Смычкой“, стряхивает по рассеянности пепел в чернильницу и, страдальчески наморщив свой лысеющий лоб, говорит:

— Тов. Кузькин, скажите, наконец, по человечески: кто кого побил? Дыркин вас или вы его?

Тов. Кузькин, небритый, с копной нечесанных волос на голове, в замызганной и грязной телогрейке, конфузливо мнет шапку, переминается с ноги на ногу, чавкая промокшими сапогами, и молчит, видимо, не решаясь признаться.

— По правде сказать, — наконец признается Кузькин, — дык я Ваську Дыркина вдарил. Любя, конечно, хотя и до крови.

— Позвольте, на кого же вы жалуетесь? — нетерпеливо перебивает секретарь.

— Да на Ваську же. На Дыркина, значит. Он, зараза, бил... Бутылки, то есть, пивные.

— Значит, все произошло под пьяную руку. — не так ли?

— Известное дело, пили, — невозмутимо продолжает Кузькин, — праздник потому, и опять же сват из деревни приехал. Ну как не выпить? Только я пожаловаться не могу. Не я один ставил. Васька Дыркин, между прочим, тоже полдюжины поставил, каковые бутылки побил вдребезгу...

— Вы говорите чушь, товарищ Кузькин, — с досадой восклицает секретарь, — ну побил бутылки, ну так что-ж такого! Не на голове-ж он у вас бил?

— Не на голове, это точно, — говорит Кузькин, — и пушай бьет, нешто мне жалко чужих бутылок... Но зачем же маются... при моей жене-то?! По правде, Палагея не жена мне вовсе... а так... фактически... и все, окаянная, на Петьку из литейной поглядывает, кофей ему варит, а меня в глаза чортом зовет... Обидно, тов. завком. Этот Васька, кроме того, что всех заводских девчонок перепортил, еще и к чужим женам подлаживается. Одерните его идола, тов. завком, как вы

есть наши защитники. Опять же Васька мне полтора рубля должен и не отдает, на что и жалуюсь.

Секретарь хватается за голову.

— Постойте, постойте... стало быть, вы жалуетесь на этого Ваську из литейной. Он вам должен деньги и не отдает...

— Пушай пользуется, мне не жалко. Может, подавится чужим добром, но обидно, тов. завком, на что и жалуюсь. У меня вот, может, голова болит, а похмелиться не на что.

— Может быть, у вас еще и животик болит? — ядовито замечает секретарь. — Обращайтесь к врачу, завком в таких делах не при чем.

— Касательно животика не могу сказать? — не унимается Кузькин, — а вот голова трещит это действительно... А тут еще Мишка, квартирант-то мой, который за перегородкой, на гармошке наяривает. Без него тошно, а он гармошкой душу изводит... Будьте столь любезны, выселите его сучьего сына, как вы есть наши защитники. Я, собственно, за этим и пришел, на что и жалуюсь...

С секретарем обморок.

Михей.

О ДЕТАЛЯХ В ЦЕЛОМ.

„Во дворе нашего завода лежит масса деталей машин. От дождя и снега эти детали ржавеют, а заводоуправление спит“... и т. д.

(Одна из сотен рабкоровских заметок).

Вспоминать недобрым словом кстати ли
То, что предано уж давно гласности?
Все-ж, давайте поговорим, читатели,
О деталях вообще и в частности.
Вы, пожалуй, тут внесете заявление,
Отступлений лирических не делая,
Мол, „не забудьте законное явление:
Где есть детали, там, значит, и целое“.
Это ведь само собой разумеется.
Я лишь добавлю, набравшись смелости:
Много целого у нас в Союзе имеется,
Но кое-что, к сожалению, не в целости.
Это кое-что кое кем умаляется,
Это кое-что — вещи огромной ценности —
По всей стране, беспризорное, валяется,
Благодаря бесхозяйственности и лени.
Разные машины, вагоны с паровозами
Вросли в землю фасадом и тылом, и
Напоминают своими унылыми позами
Кладбища с братскими могилами.
Как посмотришь, так сердце и сжимается:
Не апофеоз ли это страшной баталии?...
Все ржавеет, разрушается, расхищается,
„А заводоуправление спит и так далее“...
Пусть последняя фраза и трафаретная,
Подойдем ближе к ее смыслу и значению:
Когда-ж братия безответственно-безответная
Отвечать будет своему назначению?
Эй, хозяйственнички, от жалоб устали мы,
Да и вы рискуете утонуть в проклятиях.
Пора уж вам ознакомиться с деталями...
Разумного хозяйничанья в предприятиях.

НУМА.

Оптимист.

— Скажите, обвиняемый, каким образом вы произвели растрату, которая была обнаружена только три месяца спустя?

— Открыть секрета не могу-с, верьте совести. Может, еще пригодится.

Случай в жилкоопе.

1. Переполох.

Солнце, как и полагается, склонялось к заходу. На землю медленно, но верно опускались сумерки.

Мужское население жилкоопа № 9999 отдыхало: кто после трудов праведных, кто по пьяному делу. Озабоченные хозяйки сосредоточенно стояли над примусами, оживленно комментируя события сегодняшнего дня.

Мой то идол опять на карачках приполз. Как глянула я на него, ах ты-ж, боже-ж мой! Лица на нем нет, фуражки нет и полочки тоже нет. И какая же я несчастная. Вче-е-рашний суп опять есть буду, горькими слезами его омочу...

— А мой—ничего. Чин чинном. Деньги полностью принес, детиска баранок купил. Повечеряем, в клуб пойдем.

— Я-ж и говорю: у людей мужья, как мужья, а у меня...

Внезапно жалобница прервала свой причитания и, как и ее собеседница, насторожилась. Обе побледили, ложки, которыми они размешивали пищу в ка-

Через несколько минут двор был запружен. Взорам жильцов представилась следующая картина, достойная кисти Репина.

Председатель жилкоопа Микитюк, толстый человек с вытянутым лицом, подмял

под себя секретаря того же жилкоопа, Павличенко, огромного дядю, и добросовестно молотил по его спине костлявыми кулаками, вымазанными во что то красное.

— Батюшки! Кровь! И впрямь убил!—заголосило женское население, растерявшись и не зная, что предпринять.

Мужская часть жилкоопа оказалась более решительной. Но об этом расскажет следующая глава.

3. Неожиданный оборот.

— Ермаков, заходи слева,—крикнул один из жильцов,—да норови в ухо попасть, чтобы оглушить сразу. А я буду секретаря вытаскивать.

Ермаков, давно имевший зуб на председателя за неправильное взимание квартирной платы, как лев прыгнул к убийце и поднял сжатую в кулак волосатую руку, собираясь нанести врагу сокрушительный удар.

Но тут произошло нечто, повергшее весь жилкооп в изумление, которое через минуту достигло, как говорится, своей кульминационной точки.

Убитый легко и нежно сбросил с себя председателя и заслонил его своим могучим телом.

— Товарищи! Погодите!—загрохотал он.—Призываю вас к порядку, Это мы в шутку. Слово предоставляется тов. председателю!

— Какие к чертям собачьим шутки?!—раздался коллективный глас жилкоопа.—А кровь то у него на руках откуда?

— Не кровь это, а красные чернила,—ответил, не смутившись, секретарь, вступив этой фразой в следующую, последнюю главу

4. Цель оправдывает средства.

Председатель поднялся с земли, отряхнул прах с ног своих и вытерев руки тряпкой, заготовленной предусмотрительным секретарем, откашлялся и сказал:

— Объявляю общее собрание жильцов жилкоопа № 9999 открытым. Вношу предложение перейти в закрытое помещение, где тов. секретарь огласит повестку дня...

Общее собрание, назначаемое пять раз безрезультатно, так как никто из жильцов не являлся, на шестой раз состоялось. Радость правления жилкоопа не поддавалась никакому описанию.

Туз.

Вероятно, читатель убежден, что мы эту историю выдумали. Мол, надо же о чемнибудь писать. Ничего подобного. Такой случай произошел недавно в Николаеве. Можем даже сказать точно где: по М. Мещанской ул. в д. № 1-3.

С тем и съезьте.

Т.

стрюлях, выпали из рук. То, что они услышали, заставило кровь похолодеть в их жилах. Но об этом в следующей главе.

2. Спасите, убивают!

Все население жилкоопа, от мала до велика, бросилось во двор, откуда неслись душераздирающие крики:

— Спасите! Убивают!

БОРЦЫ ЗА ФЕСКУ

В Цезарее (Турция) местное духовенство подняло часть населения на манифестацию за сохранение фески. Манифестанты арестованы и предаются суду.

(Из газет).

Для духовенства феска тут
Встает во всем старинном блеске...
Что-ж, для того—арест и суд,
Чтоб духовенству дать „по феске“.

Т.

— Что это ты, Ваня, прихрамываешь?..
— Ногу отдавили, еле хожу...
— А ты бы к врачу пошел,—в рабмед обратись...
— Так в этом то и дело, что в Рабмеде мне ее и отдавили... Записаться к врачу ходил с больным ребенком... Такая там очередь была, что чуть ногу не раскрошили... Что ж я пойду? Вторую покалечить, что-ли?

— Безработный я. Гриша, уже полгода и не знаю, какие шаги предпринять, чтоб найти хорошую службу.

— Не знаешь? Я тебе скажу: ты ищи не хорошую службу, а хорошего знакомого, который находится на хорошей службе. Он уже все устроит тебе... Понял?

ПОЧЕТ И МЕСТО.

Секретарь райкома советско-кооперативных связей Глобинно (Крем. окр.) Мария Рыбальченко растратила тысячу с лишним рублей и привлекается к ответственности.

Селькор „Глобиннец“.

Рис. С. У.

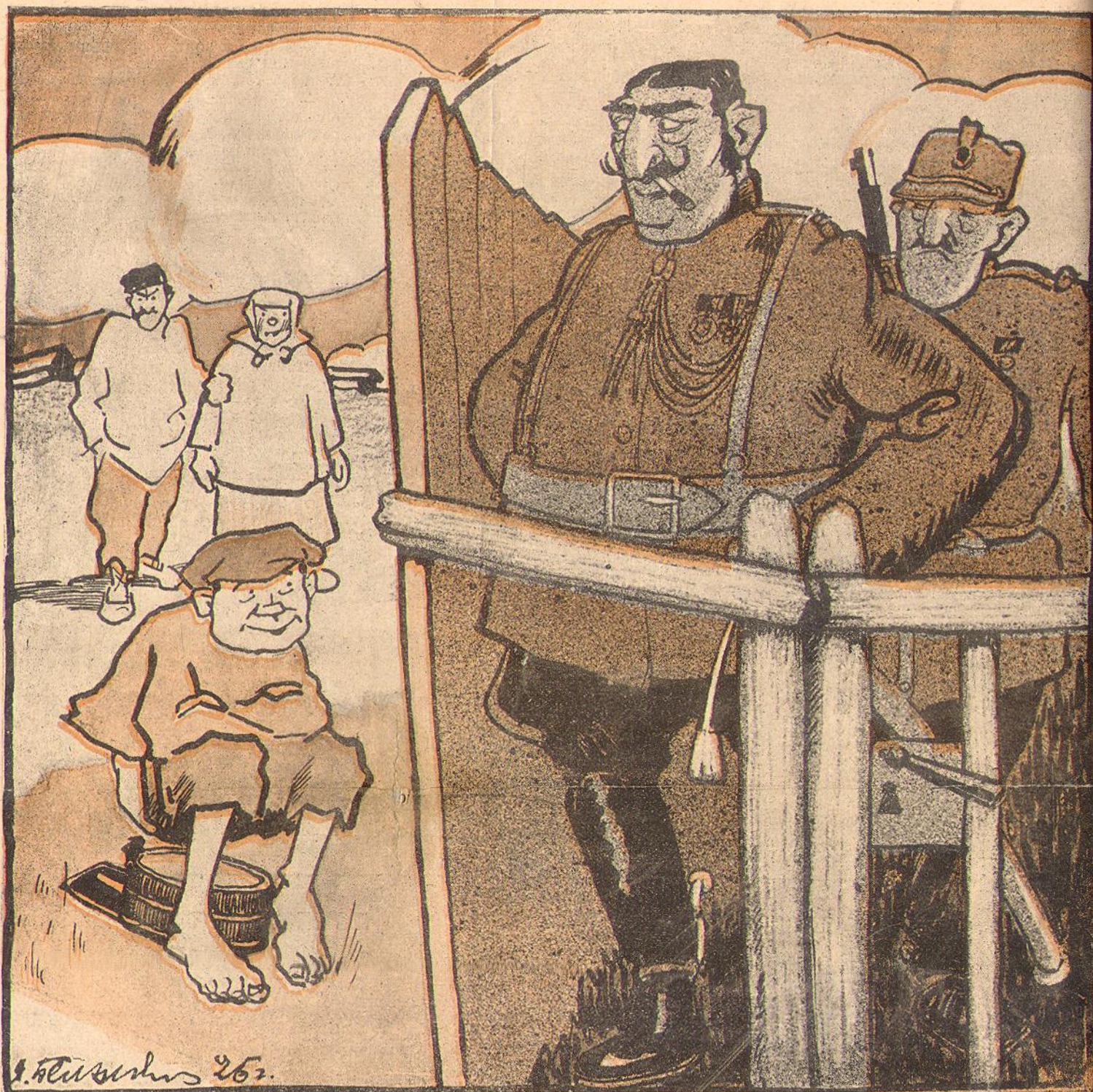

— Куда ведет эту женщину?
— Это первая в УССР женщина—растратчица, ее ведут в „музей“ Гаврилы, где она займет почетное место.

ПОВЕРХНОСТНЫЙ ВЗГЛЯД.

Рис. Я. Бельского.

Румынский комендант одного из местечек Бессарабии приказал населению ктаняться его шапке, где бы она ни была.
(Из газет).

— Ну, сейчас увидим, уважают нас эти двое или нет.....

От редакции.

Приводим радио-телеграмму, посланную нам Мишей Нетудыкиным с луны (кстати, он уже вернулся).

ВСЕМ! ВСЕМ!

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на журнал „ГАВРИЛО“!

2 №№ — 40 копеек в месяц.

Миша Нетудыкин.

Расшифровали телеграмму 542 человека. Это пока. И все хотят премию получить: галоши Мишины № 18. В самый раз, мол, галоши будут. Этак, если всем давать — галош не напасешься. Обещали первому приславшему расшифровку, ему и должны дать. Да вот беда: утренней почтой получили в первый день два письма сразу. Пришлось вскрыть одновременно. Таким образом на премию — два претендента.

Пишет Нухим Заляпин из м-ка Терлицы, Киевской губ., Уманского округа.

„Прошу прислать галоши № 18, ибо они как раз будут хороши на меня. Мне 17 лет, а нога имеет 20 сантим. в окружности.“
Нухим Заляпин.

Хорошо Заляпину. Можно сказать, на широкую ногу человек живет. Ему и галоши в руки.

Второе письмо, в стихах, от М. Дембского из м-ка Чечельники, Тульч. окр. непосредственно Нетудыкину. Просит Дембский вместо галош журнал на весь год. И присовокупляет:

„Если хочешь, Миша, ты со мною связаться. Напиши мне пару слов и мы будем знаться. Отмечать я буду все, жизни все моменты... Но за это не жалей мне ты алименты.“
М. Д.

Вот какой народ пошел. Пообещаешь ему галоши, а с тебя алименты требовать начнет. Нет уж, М. Д. уговор дорожен. Ни алиментов, ни журнала не дадим. А галоши вышли оказией. Только поделить придется между тобой и Заляпиным. Ему правую, тебе левую. Левая ближе к сердцу.

Берегите, товарищи, галоши: дороги, как память!

**ПОДПИСКА
НА
ЖУРНАЛ**

„ГАВРИЛО“

ПРИНИМАЕТСЯ:

в Харькове — Контора Из-ва „Коммунист“, Сумск. пер. 5.
На местах — отделения Из-ва „Коммунист“.